

СТРАННИК СВОЕЙ СТРАНЫ

Есть литераторы, которых создала война. Но Григорий Кубатьян состоялся — задолго до войны. О нём, о его умопомрачительной биографии можно было бы снять кино, где начало войны — стало бы финалом фильма. Событий, поверьте, хватило бы на полноценную сагу и без войны!

Вкратце довоенную профессию его можно определить как «путешественник».

На самом деле, это как-то иначе должно называться. Странник? Пожалуй, странник больше подходит.

Он был на всех континентах и колесил по миру в неслыханных приключениях. Отказывался от имени и бродяжничал безымянным по Индии. Болел смертельными болезнями в тех местах, где помощи было ждать не от кого. В Ираке во время войны сидел пленным в американской тюрьме «Абу-Грейб». Ходил на паруснике «Паллада» в кругосветку, когда их так и не пустили ни в один порт из-за ковидного карантина...

Обычно люди такого плана — пересекающие планету наискосок в погоне за впечатлениями или за самим собой, — живут по принципу «ни родины, ни флага». Но тут — другая история.

Захар Прилепин

В скитаниях своих Кубатьян точно понял цену Отечеству — и в сентябре 2022-го собрался и ушёл в батальон «Ахмат». Воевать за то, что все мы утерjali.

...вернулся по ранению — и написал эту книгу.

Я её ждал. Она мне очень нравится.

Бесхитростная как исповедь, удивительная по качеству и количеству наблюдений, предельно честная — вот такая эта книжка.

Быть может, стоит заметить, что сделана она, на первый взгляд, в модном ныне на Западе жанре «автофикшн»: детальное повествование от первого лица, иной раз напоминающее монолог у психоаналитика; там теперь все так пишут, от кинозвёзд и боксёров до генералов и президентов.

Но, думаю, на самом деле традиция Кубатьяна — иная. Что нам их «автофикшн», когда у нас своя традиция: от «Жития протопопы Аввакума» — до Арсеньева и Гиляровского, до бессчётных русских воспоминаний о Гражданской и Отечественной, среди которых есть удивительные образцы, являющие природу русского человека.

Какой он, этот человек? А вот такой, как в этой книге.

Тут есть многое — но здесь точно нет зла, мстительности, ненависти, самолюбования, сведения счётов.

Христианская книга простого советского парня Кубатьяна о русской беде, постигшей нас.

...Но раз мы по-прежнему умеем писать добрые книги о войне — беда преодолима.

Захар Прилепин

ДОСТОИНСТВО ПРАВДЫ

Григорий Кубатьян — путешественник и писатель, ныне военкор, в повести «Осень добровольца» предельно честно и точно, без надрыва и пафоса, описывает собственный боевой опыт в зоне специальной военной операции: от вступления в батальон «Ахмат» до ранения в бою, госпиталя в ЛНР и транспортировки в Москву.

Впрочем, эта проза, сделанная довольно лаконично и без затей в жанре автофикшн, — не так проста, как может показаться при поверхностном прочтении. Основная её и вечная уже тема — опыт взаимодействия интеллигенции и народа в экстремальных условиях войны. (Под «интеллигенцией» мы всё чаще понимаем либеральных деятелей и симпатизантов, но тут другой случай: Григорий Кубатьян с позывным «Репортёр» — русский интеллигент-патриот: именно с истории формирования своих взглядов, которые привели его в добровольцы «Ахмата», и начинается история.)

Давно стало традицией иронизировать над дихотомией «интеллигенция и народ»: дескать, сочувствие широким народным массам происходит от незнания

Алексей Колобродов

их подлинной жизни, а восхищение неким обобщённым «Платоном Каратаевым» — явление совершенно умозрительное, возможное только на далёком и без-опасном расстоянии. При этом совершенно не учитываются лучшие черты национальной интеллигенции — духовность, аскеза, самопожертвование.

Надо сказать, и Кубатьян вовсе не бравировует этим набором: напротив, он всячески не то чтобы принижает, но унифицирует собственный фронтовой опыт на общем фоне военного профессионализма и зрелости бывалых воинов.

«Я смотрю в окно на проносящиеся мимо деревья — и думаю о том, как красива луганская земля. Когда мы останавливаемся на светофоре, с нами рядом тормозит военный грузовик. В кабине — двое суровых бойцов: бородатые, со стальными глазами, выглядящие так, будто воюют всю жизнь. Тот, что ближе к двери, заметив, что я на него смотрю, отдаёт мне честь. У меня сжимается сердце: ведь я успел на войне так мало!.. А всё же, наверное, и моя жертва имела значение и смысл».

Помимо прочего, повесть Кубатьяна — это целая движущаяся галерея быстрых, мимолётных, но выразительных зарисовок сослуживцев, бойцов и командиров. Григорий никого не идеализирует, точно передаёт детали (иногда не самые аппетитные) и нравы фронтового быта, но в целом портреты получаются впечатляющими — это лучшие люди страны, это защитники, это герои. Вспоминается реплика Горького по адресу Семёна Буденного, обидевшегося на описание конармейцев у Исаака Бабеля: «Бабель с них иконы писал, а он ругается».

Достоинство правды

Впрочем, повесть «Осень добровольца» едва ли вызовет ругань (разве что в кругах той самой либеральной интеллигенции, но у них и ругань сейчас по-другому называется). Поскольку мировоззрение, путь и опыт автора равны исполнению и содержанию текста. А за ними — правда и достоинство.

И ещё одно принципиальное замечание. «Осень добровольца», при всей своей вполне линейной композиции и окопном реализме, представляется мне явлением экспериментальным. Даже точнее — результатом эксперимента. Здесь не какие-то литературные игры, а вещи посерьёзнее, и сразу на нескольких уровнях.

Первый — эксперимент над самим собой. Обычное, пацанское, на слабó, «а смогу ли я?» (поступить в «Ахмат», прибыть на фронт, участвовать в боях, пережить ранение и пойти на поправку) продолжается творческим заданием — суметь перевести этот опыт в литературу. При всей документальности, не требующей, повторимся, особых стилистических изысков, повесть обладает иными важными художественными достоинствами: убедительным (и убеждающим в выборе!) образом главного героя, быстрыми и чёткими зарисовками боевых товарищей — бойцов и командиров (тут целая галерея великолепных персонажей, которых хоть сейчас — в национальный миф), мягким юмором без намёка на злой сарказм, внутренним обаянием текста, увлекательностью сюжета — когда не только сцены боевой работы, но и рутинный быт в «располаге» воспринимаются как яркое, неповторимое свидетельство.

Алексей Колобродов

Добавлю: когда Кубатьян писал «Осень добровольца», прозы, условно говоря, «об СВО» ещё не существовало — не только в качестве направления, но и в отдельных образцах, которые сейчас, интересные и перспективные, появляются регулярно. (А речь о каких-то годе-полтора; вот как спрессовано время, и не только литературное.)

Второй уровень эксперимента — социальный. Проговорю ещё раз важное: автор, питерский интеллигент (пусть с бэкграундом путешественника-экстремала и журналиста в горячих точках), отправляясь на войну, на себе примеривает возможности плотного взаимодействия со своим народом, ощущения себя боевой единицей в общем потоке (вплоть до игнора собственной аллергии на табачный дым, а в армии, замечает Григорий, — диктатура курильщиков).

«На кухне постоянно работает телевизор. За столом сидят вернувшиеся с задания бойцы и угрюмо курят, уставившись в мерцающий экран. Антенны нет — и в ход идут DVD-диски, найденные в разрушенных домах, все подряд: военные фильмы, детективы, мультики... Странное зрелище: сидят крепкие, коротко стриженные мужики в камуфляже и молча, без улыбки смотрят “Приключения поросёнка Фунтика”. Или делают потише звук и сами что-то рассказывают:

— Снаряд рядом взорвался, меня волной подбросило. Я пролетел немного, упал. И ничего мне. Даже синяка нет. Повезло.

— Да-а, повезло. А помнишь Тяпу? Ему руку оторвало.

Над столом на кухне висит копия картины Шишкина “Утро в сосновом лесу” в тяжёлой раме. На кар-

Достоинство правды

тине изображены медведи, сидящие на поваленных соснах. Такие же серьёзные, как собравшиеся под картиной мужики. Если бы медведи курили, сходство было бы удивительным».

«Курящие медведи» — это было бы хорошее название для повести Кубатьяна, подчёркивающее её духовный драйв и нерв. Однако «Осень добровольца» — конечно, точнее и значительней.

Алексей Колобродов

КТО Я ТАКОЙ?

Вместо предисловия

18 октября 2022 года я получил осколочное ранение в бедро. Не смертельное, но неприятное.

Месяц валялся по госпиталям. Проваливался в забытье — и мне снились тревожные сны. Будто я бегу, стреляю, и рядом со мной бегут люди, мы все стреляем, но противника не видно. Он прячется в темноте, в тумане. Невидимый, ускользающий прочь, как только я с яростным криком забегаяю в темноту. Я спотыкался, падал на землю, а товарищи кричали мне: «Вставай! Поднимайся!». Я пытался встать, но не мог. Было не на что опереться. Мои руки и ноги были парализованы. Как воевать, если ты лежащее на дороге бревно, о которое спотыкаются товарищи?

«Вставай!» — повторяли голоса, сначала громким сердитым басом, а потом становясь тоньше и нежнее. Будто не боевые товарищи звали меня, а пели ангелы с неба. Я просыпался в поту — и сердце колотилось как загнанное.

— Вставай! Будем ставить капельницу, — ласково говорила медсестра.

Установив рядом с моей кроватью белую стойку, на которой висели несколько склянок с лекарством, она брала мою руку, перетягивала жгутом и вводила в вену иглу.

— Лежи спокойно. Не шевелись!

И я лежал, постепенно возвращаясь с поля боя в палату госпиталя. В ушах слегка билось «тын-тын-тын», уже не стрельба, а просто металлический стук: последствия лёгкой контузии.

— С добрым утром! — улыбался Артём, мой сосед по палате.

Артёму было тяжелее, чем мне. 25-летний снайпер-разведчик из Ростовской области потерял ногу в бою под Марьинкой, а вторая — еле двигалась. Его накрыло снарядом 152-го калибра. Герою вручили орден Мужества и кресло на колёсах. Обещали сделать протез.

Днём Артём был активен и бодр. Сколотил ватагу из таких же, как он, молодых колясочников. Они слушали модную музыку, катались по госпиталю, звонили по видеосвязи девушкам, ради смеха заказали себе яркие анимешные костюмы-кигуруми. Этой разноцветной банде

Григорий Кубатьян

улыбались безрукие, одноглазые и ковыляющие на костылях бойцы.

Но по ночам Артёма мучили боли, он не мог заснуть — и до утра смотрел японские мультфильмы, успокаивавшие его.

Иногда к нему приходила бригада медсестёр и охранник. Они делали ему уколы, облегчающие боль. В госпитале были случаи, когда раненые, приходя в исступление от сжигающего их изнутри огня, бросались на медсестёр, требуя вколоть ещё, — поэтому без охранников сильнодействующие препараты не приносили.

Артём терпел. Он купил в интернет-магазине длинную подушку с изображением сексуальной анимешной девушки, и когда ему было слишком тяжело — лежал в кровати, обнимая эту подушку. Он был совсем ребёнком, и в то же время — бóльшим бойцом, чем я.

— Я с детства много дрался. Учился стрелять, — говорил Артём. — Мы с парнями долго тренировались, прежде чем поехали на войну. А тебе-то это было зачем? Ты кто вообще?

И я думал: а правда, кто я такой? Зачем поехал? И вспоминал сцены моей стремительной, как выстрел, военной службы и длинную запутанную жизнь, в итоге которой попал в добровольцы.